

SCRIPTORIUM JUS HOMINUM

Постановление Европейского Суда по делу «Агеевы против России»: некоторые аспекты защиты права детей на жизнь и воспитание в семье

Наталья Кравчук*

Статья посвящена анализу практики защиты права детей на жизнь и воспитание в семье, в частности применения концепции «наилучших интересов ребёнка». Автор анализирует международные стандарты в этой области на примере деятельности Европейского Суда по правам человека.

→ *Права ребёнка, наилучшие интересы ребёнка, усыновление, отмена усыновления, Европейский Суд по правам человека, Семейный кодекс*

Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод не является документом, специально разработанным для защиты прав детей. При этом, специалисты отмечают важность ее положений и постановлений Европейского Суда как для защиты отдельного ребёнка, так и для выработки правовых стандартов в области защиты прав детей на жизнь и воспитание в семье¹.

Конвенция не выделяет ребёнка в качестве специального субъекта прав, но и текст Конвенции, и постановлений Суда прямо говорят о том, что ребёнок обладает теми же правами, что и взрослый человек, в том числе и правом на обращение в Европейский Суд (ст. 1, 34 Конвенции). Отмечается, что в

тексте не делается различий между мужчинами и женщинами, гражданами и иностранцами, взрослыми и детьми². Акцент на этом делается, в первую очередь, в целях усиления положения о (пусть неполной) правосубъектности несовершеннолетнего. Однако, невозможно утверждать, что дети могут реализовывать свои права так же как и взрослые — самостоятельно, без содействия своих представителей или иных лиц. И, в первую очередь, это касается права на защиту семейной жизни. Именно поэтому Европейский Суд исходит из необходимости максимально компенсировать неполноту правосубъектности ребёнка и обеспечения реальных возможностей защиты его прав (в том числе, не

* Кравчук Наталья Вячеславовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры публичной политики Национального исследовательского университета «Высшая Школа Экономики», член Экспертного совета при Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребёнка (e-mail: natkravchuk@mail.ru).

¹ См. например: *Kilkelly Ursula*. The child and the European Convention on human rights // Ashgate. Dartmouth, 2002; *Geraldine Van Bueren*. Child rights in Europe // Council of Europe publishing. 2007; *Кравчук Н.* Оценка Европейским Судом по правам человека действий и решений национальных органов по делам о праве ребёнка на жизнь и воспитание в семье // Права человека: Законодательство и судебная практика: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Алферова Е. В., Конохова И. А. М.: РАН. ИНИОН, 2009.

² *Françoise Tulkens*. The European Convention on human rights and children's rights // International justice for children. Council of Europe publishing, 2008. P. 18.

применяя правило о необходимости исчерпания внутренних средств защиты перед подачей жалобы (ст. 35 Конвенции)³.

Конвенция не устанавливает никакого требования относительно правоспособности лица, обращающегося в Суд. По сути, единственное требование к такому лицу — являться жертвой нарушения права, предусмотренного Конвенцией (*ratione personae*). Соответственно, ребёнок, в том числе в силу возраста не обладающий правом на защиту в суде на национальном уровне, может обратиться за защитой своих прав в Европейский Суд.

На практике, однако, в Суд обращается незначительное количество детей⁴ (разумеется, мы говорим о заявлениях, поданных самими детьми или с их непосредственным участием, а не о жалобах, в которых ребёнок указан в качестве заявителя в целях соблюдения правил приемлемости⁵). Несмотря на небольшое количество таких жалоб, они, тем не менее, становятся основанием для вынесения Судом принципиально важных постановлений.

Примером здесь может служить известное дело «*Asenov and others vs Bulgaria*»⁶ (дело касалось плохого обращения со стороны полиции под арестом). Одному из заявителей в деле было 14 лет, когда его арестовали и поместили под стражу. Собственно, этот заявитель и был основным, двое других были его родителями и подали в Суд в целях соблюдения процессуальной преемственности — именно они были заявителями на национальном уровне.

Именно в этом деле Суд впервые установил процедурное нарушение статьи 3 (запрещение пыток), отметив, что в случае жалоб заключенного на обращение, на предмет нарушения статьи 3 должно быть проведено

эффективное расследование. Один из важнейших прецедентов, таким образом, появился именно благодаря определенному возрасту заявителя. Учитывая уязвимость ребёнка и сложности, связанные с получением им доказательств плохого обращения, Суд счел возможным наложить на государство дополнительные обязательства по расследованию дела.

Практически отсутствуют в практике Европейского Суда дела против России о защите права на воспитание детей и права ребёнка на жизнь. По большому счету это может объясняться отсутствием у детей осознания возможности защитить свои права.

Вопрос участия детей в защите своих прав никогда не был предметом внимания государственной политики или правозащитных организаций. Россия более известна другими проблемами в области прав ребёнка — такими как насилие, институционализация, низкий уровень жизни. Эти проблемы, без сомнения, более наглядны и привлекают больше внимания.

Инфантилизация населения, в том числе отсутствие у детей и молодых людей способности предпринимать активные действия для своей защиты, в современной России результат не только её «культурной специфики». Основанные на Домострое⁷ традиционные патерналистские ценности и отношение к ребёнку как к человеку с ограниченными возможностями, не способному правильно оценить ситуацию и сформировать свое мнение, поддерживаются Русской православной церковью, и, по сути, являются основой публичной политики в области защиты семьи и детей⁸.

Правосубъектность ребёнка остается дискуссионным вопросом и для научного со-

³ *Françoise Tulkens*. The European Convention on human rights and children's rights // International justice for children. Council of Europe publishing, 2008. С. 19.

⁴ *Isabelle Berro-Lefèvre*. Improving children's access to the European Court of Human Rights // International justice for children. Council of Europe publishing, 2008. P. 70.

⁵ Так, в широко известном деле *Nachova vs Bulgaria* (ECtHR. *Nachova vs Bulgaria*. Application Nos. 43579/98. Judgment of 6 February 1998), касавшемся дискриминации цыган, одной из заявителей было на момент подачи жалобы 3 года.

⁶ ECtHR. *Asenov and others vs Bulgaria*. Application No. 24760/94. Judgment of 28 October 1998 (URL: <http://www.srji.org/resources/search/results/?a=24760%2F94>).

⁷ Домострой (полное название — Книга, называемая «Домострой») — памятник русской литературы XVI века, являющийся сборником правил, советов и наставлений по всем направлениям жизни человека и семьи, включая общественные, семейные, хозяйственные и религиозные вопросы. Основные ценности Домостроя — подчинение Богу, Царю и Церкви. (URL: <http://www.ru.wikipedia.org/wiki/%C4%EE%EC%EE%F1%F2%F0%EE%E9> (дата обращения 02.08.12)).

⁸ *Kravchuk N.* Culture, Democracy and the Child's Right to Express his/her Views (Russian perspective) // The Irish Review of Community Economic Development Law and Policy. 2012. Vol. 1. No. 2. P. 63.

общества⁹. В этой ситуации важную роль в отстаивании прав и интересов ребёнка играют неправительственные организации, действующие ему в защите, в том числе в судебном порядке, на национальном и международном уровне. Однако пул таких организаций крайне узок, что сказывается на количестве судебных дел.

В этом контексте принципиально важным является постановление Европейского Суда по делу «Агеевы против России»¹⁰. Дело касается изъятия детей из семьи и отмены их усыновления на основании подозрений в насилии усыновителей над одним из детей и невыполнения родителями их обязанностей по отношению к детям¹¹.

При том, что дела, затрагивавшие соблюдение Россией права ребёнка на семейную жизнь, рассматривались и раньше¹², именно в этом деле Суд продемонстрировал, насколько детально должно изучаться национальными судами дело при принятии решения о прекращении семейных отношений между родителями и детьми.

Здесь необходимо отметить, что, несмотря на антиювенальную риторику¹³ в государственных органах власти, в России не редки случаи изъятия органами опеки и попечительства детей из семьи по различным основаниям. Разумеется, при принятии этого решения, а также при последующем рассмотрении таких дел судом указывается на необходимость соблюдения интересов ребёнка, в целях чего, собственно, и производится изъятие (п. 3 ст. 56 Семейного кодекса РФ)¹⁴.

Трактовка концепции «наилучших интересов ребёнка»¹⁵ не закреплена в России на законодательном уровне, что даёт должностным лицам возможность применять ее без

учета духа закона. Зачастую такое применение противоречит Конвенции ООН о правах ребёнка. Концепция, выработанная для индивидуализации решений в интересах конкретного ребёнка, в России применяется формально, в качестве стандартной фразы в определении суда¹⁶.

Между тем, как неоднократно отмечал Комитет по правам ребёнка ООН — орган мониторинга исполнения положений Конвенции ООН о правах ребёнка, любая трактовка наилучших интересов ребёнка должна соответствовать Конвенции в целом, и идее о том, что ребёнок является человеком со своими собственными мнением и чувствами и является субъектом гражданских и политических прав в частности¹⁷. В своих комментариях на доклады государств Комитет отмечал, что «он сожалеет о том, что определение “наилучших интересов” является решением только взрослых, и консультации с детьми по этому поводу не проводятся даже в том случае, когда они могут пояснить свое мнение»¹⁸.

На необходимость соблюдения интересов ребёнка ссылался и Преображенский районный суд г. Москвы в своем решении от 17 июня 2009 года об отмене усыновления Агеевыми детей. В частности, было отмечено следующее:

«Суд считает, что в данном деле имеются все основания для отмены усыновления, поскольку супруги Агеевы не должным образом относились к здоровью и безопасности детей, что создавало и создает угрозу жизни и здоровью детей, в том числе и тем, что детям не оказывалась требуемая медицинская врачебная помощь, в которой они, как установлено судом, нуждались и нуждаются. Беспечное отношение Агеевых к здоровью и безопасно-

⁹ См. например: *Летова Н.В.* Правовой статус ребёнка // Государство и право. 2010. № 11. С. 77; *Бондаренко О.А.* Понятие механизма реализации конституционных прав и свобод ребёнка в Российской Федерации // Юристы — Правоведь. 2008. № 5. С. 50; *Мицинев Н.* Имущественные права ребёнка // Закон. 1997. № 11. С. 89.

¹⁰ ECtHR. *Ageyevy vs. Russia*. Application No. 7075/10. Judgment of 18 April 2013.

¹¹ Данное дело было широко освещено в прессе (см., например, URL: <http://www.kp.ua/daily/261110/255124/>, <http://www.kp.ru/daily/24272/468252/>), что стало позже одним из оснований установления нарушения Конвенции.

¹² См., например, ECtHR. *Y.U. vs. Russia*. Application No. 41354/10. Judgment of 13 November 2012; ECtHR. *Kiyutin vs. Russia*. Application No. 2700/10. Judgment of 10 March 2011.

¹³ Одним из наиболее критикуемых составляющих ювенальной юстиции являются предполагаемые неограниченные полномочия государственных органов по изъятию ребёнка из семьи в целях его защиты.

¹⁴ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

¹⁵ Ст. 3 Конвенции о правах ребёнка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года).

¹⁶ *Кравчук Н.В.* Законодательное регулирование учета мнения ребёнка в Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 11. С. 54.

¹⁷ Implementation Handbook for the Convention on the Rights of the Child // United Nations Children's Fund. 2007. P. 38.

¹⁸ Concluding Observations of the Committee on the Rights of the Child, Albania, U.N. Doc. CRC/C/15/Add.249. 2005. P. 26.

сти детей и стойкая тенденция к самолечению детей создает угрозу для жизни и здоровья детей, а следовательно отмена усыновления отвечает интересам детей.

То обстоятельство, что супруги Агеевы положительно характеризуются, в том числе всеми свидетелями, допрошенными судом в ходе расследования дела, имеют определенные сбережения и имущество, хотя в настоящее время и не работают, а также желание и дальше воспитывать указанных детей, не может служить основанием для отказа истцу в иске, поскольку иск истцов доказан и предъявлен исключительно в интересах детей.

...Оценивая представленные судом доказательства по иску, принимая во внимание заключение обоих опеков о целесообразности отмены усыновления детей, учитывая недожное отношение Агеевых к здоровью и безопасности детей, суд считает, что иск подлежит удовлетворению в полном объеме исковых требований, поскольку это отвечает интересам детей, которые в будущем могут быть устроены в семью, которая будет должным образом о них заботиться и создавать им безопасные условия для проживания и развития, а также заботиться об их здоровье и развитии надлежащим образом»¹⁹.

Как видим, в решении суд несколько раз сослался на «интересы детей». При этом данная концепция использовалась, скорее, как оправдание изъятия детей из семьи, а не как тест для действий государственных органов.

В своем отдельном мнении по делу «Скоццари и Джунта против Италии»²⁰ судья Европейского Суда Б.Цупанчич рассуждает о сложной природе решений по семейным делам. Он отмечает, что:

«Так называемые интересы ребёнка, например, не являются достаточно определенными... Это, в свою очередь, обязывает суд участвовать в полицентрическом выборе, то есть предполагать активную роль *parens patriae* суда...

Обычной функцией судов по установлению истины является рассмотрение и оценка (уже имеющихся — *Н.К.*) фактов, а не определение будущей пригодности и приспособ-

ленности людей к осуществлению ими их родительских функций, например, эпистемологически право доказывания основано на историческом методе, а не на оценке вероятности в будущем.

Как в национальном, так и в международном апелляционном производстве такие сложности имеют даже большее значение. В таких делах апелляционный суд сталкивается с недавними событиями, то есть событиями, произошедшими уже после вынесения решения нижестоящим судом. Апелляционные суды, другими словами, сталкиваются с продолжающейся эволюцией — улучшением или ухудшением — разрушенных семейных отношений. Апелляционный суд, таким образом, *volens nolens* участвует в свежей оценке новых фактов (*questiones facti*).

Он не может ограничивать себя, как он обычно делает, рассмотрением фактов, установленных нижестоящими судами и зафиксированными в материалах дела, но должен, напротив, воспринимать последние изменения. Это делает для апелляционных судов более сложным ограничение рассмотрением вопросов права (*questiones juris*)».

Таким образом, судья Цупанчич отмечает важность оценки всех фактических обстоятельств дела и активной позиции суда, который должен не только принимать точку зрения одной из сторон, но и активно участвовать в оценке обстоятельств дела, учитывая, в том числе и динамику развития событий.

Разумеется, было бы самонадеянно ожидать, что российские суды будут применять в качестве правового стандарта отдельное мнение судьи по делу, ответчиком по которому является не Российская Федерация, тем более относительно концепции, уже получившей в российской практике определенную трактовку.

На пути формирования понимания о должных и недожных действиях государства при применении этой ключевой для защиты прав ребёнка концепции дело «Агеевы против России» является шагом вперёд.

Принимая в расчёт то, что отмена усыновления преследовала законную цель по смыслу статьи 8 § 2, Суд уделил значитель-

¹⁹ Решение Преображенского районного суда г. Москвы от 17 июня 2009 года по гражданскому делу № 2-2181.09. § 44. *Ageyevy vs. Russia*. Application No. 7075/10. Judgment of 18 April 2013.

²⁰ ECtHR. *Scozzari and Giunta. Italy*. Applications Nos. 39221/98 and 41963/98. Judgment of 12 July 2000.

ное внимание анализу факта вмешательства, с точки зрения его необходимости «в демократическом обществе».

«Суд, в который раз, отмечает, что передача ребёнка под опеку должна считаться временной мерой, которая будет прекращена, как только позволят обстоятельства, и основной целью этой меры должно быть воссоединение родителей и ребёнка. И позитивным обязательством государства в этой связи является способствование семье в воссоединении с ребёнком, причём вес этих обязательств увеличивается по мере прохождения времени, что ребёнок проводит под опекой»²¹.

Этот комментарий Суда имеет первостепенное значение, потому что фактически первый раз используется в контексте не длительности периода пребывания детей под опекой, а конечной цели установления опеки. При том, что целью этой меры, как отмечает, должно быть последующее восстановление семейных отношений, в *деле Агеевых*, как указано в решении Преображенского суда, цель этой меры — дать шанс детям обрести семью с другими людьми, которые будут «должным образом о них заботиться». Вопрос возможности воссоединения детей и родителей не рассматривается судом. Учитывая тот факт, что отмена усыновления — процесс, согласно внутреннему законодательству России, не обратимый (СК РФ не предусматривает восстановления усыновления), решение суда предполагало серьезные последствия как для родителей, так и для их детей, поскольку полностью прекращало семейные отношения между ними.

Согласно праву Суда, «подобные решения могут приниматься лишь в исключительных случаях, и могут быть оправданы только необходимостью соблюдения доминирующих интересов ребёнка. Принятое решение следует оценивать, учитывая обстоятельства, известные суду в момент принятия решения, а не ретроспективно»²².

Национальные суды при вынесении решения ссылались на два ключевых основания. Во-первых, как утверждалось, родители

не следили должным образом за здоровьем детей (что подтверждалось медицинским заключением, согласно которому у детей были выявлены многочисленные заболевания).

Во-вторых, государственные органы ссылались на то, что на теле Г. обнаружили повреждения и что против заявителей было возбуждено уголовное дело. С точки зрения Европейского Суда данные обстоятельства были, без сомнения, важны для оценки необходимости вмешательства в семейную жизнь заявителя. Остаётся лишь установить, были ли обстоятельства достаточны, чтобы оправдать отмену усыновления и полное прекращение общения между заявителями и их детьми.

В ответ на утверждения о том, что заявители не обеспечивали должный уход за здоровьем детей, Суд отметил: оценка этого вопроса судами была явно поверхностной²³. Были перечислены заболевания, которые обнаружили у детей после изъятия их из семьи, однако истории болезни, степень их серьёзности и причины возникновения не указывались, также как и степень ответственности родителей за каждое из заболеваний. Кроме того, органы опеки и попечительства в своих отчетах, относящихся к периоду времени непосредственно после усыновления, хорошо отзывались об условиях жизни и воспитания детей в семье заявителей и ни разу не упоминали о проблемах со здоровьем или медицинским обслуживанием²⁴. В этой связи у Суда возникли серьезные сомнения в том, что национальные суды могли без привлечения специалистов надлежащим образом оценить связь между действиями или бездействиями родителей и состоянием здоровья детей после изъятия их из семьи.

Суд не принял в качестве доказательства беспечного отношения заявителей к здоровью детей ссылку национальных судов на то, что те не обратились за получением страхового медицинского свидетельства и не зарегистрировали детей в районной поликлинике²⁵. Сторонами не оспаривался факт финансового благосостояния семьи, что включает в себя, в том числе и возможность пользоваться

²¹ ECtHR. *Ageyevy vs. Russia*. Application No. 7075/10. Judgment of 18 April 2013. Para. 143.

²² Ibid. Para. 144.

²³ Ibid. Para. 146.

²⁴ Ibid. Para. 13–14.

²⁵ Ibid. Para. 44.

услугами частных клиник и докторов. Таким образом, учитывая, что у властей были основания для беспокойства о состоянии здоровья детей, Суд посчитал неудовлетворительным то, каким образом этот вопрос был представлен органами опеки и попечительства Гольяново и рассмотрен внутренними судами, а сделанные заключения — неубедительными и слишком расплывчатыми.

Учитывая обстоятельства дела, подозрение в насилии над детьми со стороны родителей могло оправдать временное изъятие обоих детей из семьи, а также дальнейшее ограничение контакта между ними. Однако, само по себе такое подозрение без других веских причин с точки зрения Суда не может быть достаточным оправданием отмены усыновления. Решение не содержало оценки уже сложившихся семейных уз между заявителями и их детьми и не принимало во внимание ущерб эмоциональному спокойствию и психологическому состоянию каждого из детей, который мог бы быть нанесен разрывом этих уз (следует учитывать их возраст). Очевидно, что анализ событий, сделанный внутренними судами, является в значительной мере неполным.

Отдельное внимание Суд уделил ссылке Правительства на возбуждение уголовного дела против заявителей.

Решение об отмене усыновления, как было отмечено, должно было быть надлежащим образом обосновано в свете имеющихся на тот момент обстоятельств, то есть без учета еще не произошедших событий. Само по себе возбуждение уголовного дела против заявителей, таким образом, не обязательно должно было стать оправданием отмены усыновления, особенно, учитывая тот факт, что расследование закончилось оправданием первого заявителя, а второй заявитель был осужден лишь по одному эпизоду.

На основании всего вышесказанного Суд посчитал решение об отмене усыновления заявителями их детей недостаточно обоснованным в целях статьи 8 § 2, а избранную меру не соответствующей интересам ребёнка.

Для полноты анализа представляется интересным рассмотреть это постановление Европейского Суда в совокупности с вышеупомянутым отдельным мнением Цупанчича. Он говорит о том, что вынесение судом решения по семейному делу не может расцени-

ваться властями как однозначное окончание производства по делу:

«*A fortiori*, в деле, в котором доказано, что поведение обоих родителей является угрожающим для детей, не может быть просто вынесено решение о распаде семьи. Необходимо, чтобы изначальное решение суда об установлении альтернативной опеки сопровождалось последующим длящимся надзором суда. Эта функция судов по семейным делам является уникальной, поскольку спор такого рода не может ни в коем случае считаться окончательно разрешенным — по крайней мере, до того момента, пока ребёнок не достигнет юридического совершеннолетия. Таким образом, если государство принимает решение о вмешательстве в естественные долгосрочные отношения между родителем и ребёнком, оно должно согласиться с тем, что оно будет постоянно нести в будущем обязанности и обязательства *parents patriae*...

...эти обязанности *ex officio* судов по семейным делам длятся так долго, как необходимо, чтобы основные отношения между родителями и детьми, которые являются объектом вмешательства, были **восстановлены** (выделение — *Н.К.*). В-третьих, потерпевшие стороны должны сохранять право на обращение в суд, то есть суды должны продолжать разрешать второстепенные споры, возникающие из первоначального судебного решения, на основании которого произошло вмешательство в отношения между родителями и детьми».

В июле 2011 года, через 2 года после отмены усыновления, первый заявитель обратился в суд с требованием о восстановлении усыновления. Оба заявителя возобновили общение с детьми сразу, как только им это было разрешено. По заключению сотрудников учреждения, в котором содержались дети, воссоединение с заявителями отвечало бы интересам детей. Однако, Преображенским судом заявителю было отказано на том основании, что внутреннее законодательство России не содержит соответствующей нормы. Применить по аналогии норму о восстановлении родительских прав (согласно ст. 72 СК РФ, родители (один из них) могут быть восстановлены в родительских правах в случаях, если они изменили поведение, образ жизни и(или) отношение к воспитанию ребёнка) суд счёл невозможным.

Таким образом, в настоящее время заявители не имеют возможности воссоединиться с детьми, несмотря на то, что уголовные обвинения против них были, в основном, сняты, а время показало крепость связи между ними и детьми. Постановление Европейского Суда по этому делу, между тем, может стать основанием как для пересмотра дела заявителей на национальном уровне с последующим возвращением им детей, так и для реформы законодательства в этой области. Причём важным представляется не

только, и не столько, предусмотреть в российском законодательстве возможность восстановления усыновления, но добиться введения в правоприменительную практику международных стандартов трактовки концепции «наилучших интересов ребёнка» (например путем принятия Пленумом Верховного Суда соответствующего Постановления). Это, в свою очередь, будет способствовать предупреждению нарушений права ребёнка на жизнь и воспитание в семье.